

"Синеокая Русь моя"

Лидия Попкова

Стихи

Попкова Лидия Николаевна

Попкова Лидия Николаевна родилась в р.п.Каргаполье. Получив высшее педагогическое образование, преподавала литературу в сельском профтехучилище. В 1982 году семья переехала в р.п. Каргаполье. Работала журналистом в районной газете "Сельская правда". Стихи пишу с детских лет. Являюсь членом районного творческого объединения «Светлые поляны». С августа 2011 года являюсь членом Российского союза профессиональных литераторов.

РАССКАЗЫ

Детства тёплая рука

- Не догонишь! Не догонишь! – озорно выкрикивал Санька, летя вдоль по улице. Он мчался по пыльной дороге, сверкая босыми пятками.

-Ах, чучмек паршивый! Вот возвернёшься домой, я тя вицей приголублю! – грозила вслед бабка Авдотья, размахивая в воздухе хворостиной.

«Чучмек» было самое, что ни на есть, ругательное бабкино слово. Им она «одаряла» всех, кто наносил ей обиду.

Санька во весь дух бежал туда, за окраину деревни, на излюбленное местечко на берегу речушки Светлушки, что спокойно текла среди зелёных лугов и впадала в озеро Пастушье, получившее своё название от того, что колхозные пастухи гоняли к нему стада коров на водопой.

Речка Светлушка была небольшая, своенравная. Тихая и спокойная на первый взгляд, она имела скрытые подводные подвохи: ровное песчаное дно местами обрывалось глубокими омутами, в которых нередко находили уют неосторожные и незнакомые с нравами Светлушки купальщики. А вообще-то вода в реке была светлая, прозрачная и тёплая. В жаркие летние дни в ней отражалось голубое небо, солнечные блики играли на поверхности и мальки-рыбёшки резвились в парной у берега воде.

Санька любил Светлушкино «бормотанье», когда она чуть ерошисто катила свои волны в ветреную погоду. Это журчащее движение реки вызывало в нём желание смотреть на волнистые гребешки, не отрываясь. Он мог часами сидеть и думать о своём. На невысоком взгорье, под развесистым старым тополем, в береге был травянистый выступ, напоминающий мягкий стульчик с удобной спинкой и такими же мягкими подлокотниками. Этот «стульчик» и считал Санька своим любимым местом. Вот и теперь он мчался к нему. А под лёгкой рубашонкой бережно прижимал он огромный оранжево-жёлтый огурец, сорванный с грядки бабки Авдотьи. Этот огурец, что она называла «семянник», бабка берегла, как самое дорогое сокровище. Он был на грядке, будто король. Казалось, бабка боялась на него дышать: холила и нежила. А он рос и набирался сил, постепенно приобретая необыкновенный цвет солнца. Плодившиеся вокруг его огурцы-зеленцы появлялись и исчезали, сорванные и съеденные, а он всё царствовал на грядке. Только Санька, с восторгом глядя на него, был давно обуреваем желанием «приголубить» богатыря... и вот теперь, воплотив мечту в реальность, ждал когда там, на своём «стульчике» с аппетитом станет поглощать сочную чуть кислотоватую

мякоть с крупными твёрдыми семечками и жёсткой хрустящей кожурой. Он не знал почему так хотел вот таких переспелых огурцов. Но они были для него вкуснее самого изысканного лакомства.

Много лет миновало с той поры. Три десятка промчались, будто одно мгновение. И отчего именно это воспоминание детства так всколыхнуло сердце? Александр сидел на своём «стульчике» и смотрел на мирное течение Светлушки. И также тихо текли его мысли, выхватывая эпизоды детства. Уже давно нет в живых бабушки Авдотьи, постарела деревенька и смотрит в безлюдную улицу пустыми глазницами окон. Молодёжь разъехалась кто куда. Вот и он, Александр - городской житель. А в деревню выбрался на недельку, погостить к старикам-родителям.

Летний день угасал. Красным шаром скатывалось за горизонт солнце. Берёзовая рощица на взгорье казалась волшебным уголком, в котором легко и вольно дышалось пьянящим воздухом, насквозь пропитанным ароматом цветущих трав и полевых цветов. Чуть ближе, сразу за деревней, светлым стёклышком блестело маленькое озерко. Когда-то между ним и рощей было небольшое колхозное гороховое поле, на которое, как саранча, налетали ребятишки. Порой их, громко ругаясь, гонял бригадир дядя Семён. Только больше строгого начальника боялись ребятишки таинственной Огородницы. Никто, никогда её не видел, но страх испытывали невероятный.

О ней рассказывала бабка Авдотья:

- Вот поймает вас, воришек, в чужом огороде, аль в гороховом поле Огородница, узнаете как покастить! Эта нагая баба сидит в крапиве. Выскакивает и утаскивает вашего брата гавриков. А куда – никому неизвестно...,- пугала бабка.

Стоило во время «страды» на гороховом поле кому-нибудь крикнуть: «Огородница!», как всех, будто метлой, с него выметало! Мчались к деревне так, что только пятки мелькали...

Теперь старое поле заросло травой. Но, глядя на него, Александр невольно вспомнил чуть сладковатый вкус зелёного гороха, что за обе щёки уплетали они с друзьями в дни детства.

Бабушка Авдотья в Санькиной семье была главной. С ней считались отец, мать, старшие брат с сестрой. Но особенно уважал её дед Михайло. Он

никогда не прекословил ей, хотя в итоге любое дело выводил так, как считал нужным.

- А что, внучок, нам Савеловна-то не накрутит хвоста, коли мы немножко по-своему сей дело справим? – озорно подмигивал он Саньке, когда управлялись они по хозяйству или что-либо во дворе мастерили.

А уж «воспитывала» его бабка Авдотья по-свойски. Если случалось деду негаданно-нечаянно перебрать спиртного с друзьями, она, прищуриив глаза и поджав тонкие губы, угрожающе бросала: «Ну постой, байбулат!» Это было ещё одно ругательное слово в её лексиконе.

- Ну-ко, Санька, подай мне дедкино «лекарство»,- протянув руку, цедила сквозь зубы.

Санька знал где лежит деревянная скалка, старательно выточенная дедом, и быстро совал её в бабкину протянутую руку. С интересом наблюдал как она «обхаживала» тем «лекарственным препаратом» дедовы бока.

Когда он утром кряхтел и поглаживал их, бабушка хитро прятала улыбку.

- Что-то у меня, Савеловна, все косточки болят, - жаловался дед.

- Да кто ж тебя знает – пить меньше надо,- бросала она,- чать с Ванькой-костоломом боролся, вот и свербят бока.

Ванька-костолом был известный в деревне задира. Он мог спровоцировать любого. Стоило ему лишь немного подвыпить, как он, закатывая рукава рубашки, басил:

- А чо, тебе слабо со мной сбороиться? Давай! Одолеешь – медаль отдам! Проиграешь - бока намну!

А медаль у Ваньки была его главной гордостью. Когда-то в молодые годы получил он её за участие в районном турнире борцов-любителей. Она висела в его доме, в красном углу, на синей ленте. Не раз он ставил её на кон в «дружеских» встречах с земляками, но она неизменно оставалась на прежнем месте.

Костоломом же его окрестили, когда однажды в такой борьбе он сломал руку такому же нетрезвому, как и сам, борцу-бедолаге.

-Тук-тук,- стучат по рельсам колёса. За вагонным окном мелькают то зелёные рощи, то бескрайние луга, то поле, где уже колосится пшеница, то синяя

гладь озёр. Милые сердцу края! Когда вновь доведётся побывать в родной сторонке, окунуться в воспоминания минувших лет, погостить под крышей отчего дома, почувствовать себя тем беззаботным светлоголовым мальчиком Санькой, который вырос среди этих полей, лугов, лесов, впитал в себя их аромат. Когда вновь помечтает он на тихом берегу Светлушки и с аппетитом поуплетает вкусных маминых пирожков со свежей капусткой. А ещё помолчит, сидя на скамеечке у могилки родных людей – бабушки Евдокии Савельевны и деда Михаила Ефимовича. Положит у памятников букеты цветов и расскажет о своём житье-бытье.

Свидание с малой родиной счастливой полосой легло на душу. Александр уже знал, что его новый сборник стихов будет посвящён этой доброй, милой земле. В голове рождались простые строки, они рифмовались сами собою...

...Память оставляет нам наследство,

И из светлого издалека

Вновь протягивает руку детство,

И у детства тёплая рука...

Осенняя мелодия дождя

Осень сыпала мелким дождём. Жёлтые листья, усеявшие асфальт, промокли насквозь. Только сосны величаво смотрели в затянутое тучами небо и шумели, покачивая вершинами.

Незаметно сгущались сумерки. На душе, как и на улице, было неуютно. Щёлкнув выключателем, Ольга включила свет в просторной комнате и, взяв с тумбочки книгу, устроилась в уголке кровати. Почти неделю живёт она в санатории, но к ней так никого и не подселили, хотя в комнате оставались свободными ещё два места. После ужина, сделав небольшую прогулку по широкой тропе, называемой тропой здоровья, она возвращалась в пустую комнату и весь вечер проводила в одиночестве. И если в первые дни пребывания это было для неё удовольствием, то сейчас она уже скучала по общению.

Тихий стук в дверь раздался неожиданно, и в тот же момент на пороге возникла соседка Надежда Петровна.

- Скучаешь? – улыбнулась она.

- Да, вот читаю. Телевизор с помехами работает, поэтому иного развлечения, как, с книгой посидеть, не нашла.

- Вот и я не знаю чем заняться. Решила в гости наведаться. Не против?

- Нет, разумеется. Даже рада буду поболтать, - оживилась Ольга.

- А я вот думаю – не пойти ли нам на танцы...,- несмело предложила Надежда Петровна. И, помолчав, добавила:

- Пошли.

Ольга даже растерялась. Уж пойти на танцульки в их возрасте было, по её понятиям, вроде бы нескромно. Но соседка так уверяла, будто там все такие, что Ольга уступила.

В просторном фойе второго этажа звучала лёгкая, негромкая музыка. Зал освещали неяркие лампы, оттого растекался мягкий полумрак. Желаящих потанцевать было немного. Несколько пар медленно двигались в танце в ритме музыки. На скамейках вдоль стен устроились дамы и кавалеры. Оглядевшись, Ольга и Надежда выбрали два свободных места с краю.

Танец кончился. На смену ему вдруг ворвалась быстрая, громкая музыка, и зал словно вздрогнул. Несмотря на степенный возраст, отдыхающие вмиг образовали весёлый круг и стали «являть» такие телодвижения, что трудно было представить их больными, приехавшими в санаторий поправить свои «возрастные болячки».

- Может, и мы встряхнёмся? – предложила Надежда Петровна.

- А давай! – весело отозвалась Ольга.

И они влились в общий круг.

А потом был вальс. Он наплывал мягкими волнами и будто качал в колыбели каждое словечко. Приятный голос солиста выводил знакомую мелодию: *«Ночь коротка. Спят облака. И лежит у меня на ладони незнакомая Ваша рука...»* Ольга любила этот старый вальс. Он напомнил ей о беспечной юности, о деревенской танцплощадке среди раскидистых тополей и о парнишке, что кружил её лёгкую, счастливую в этом вальсе...

Она видела, как с противоположного конца зала к ним направился высокий статный мужчина в светлосером костюме.

- Разрешите...

И он протянул Ольге руку. Она подала свою, и партнёр легко повёл её по кругу.

К концу вечера они познакомились. Николай Сергеевич оказался интересным собеседником. К тому же он, как и Ольга, любил стихи Пушкина, Есенина. Многие из них знал наизусть и умел выразительно читать.

На другой день после ужина, дождавшись Ольгу у выхода, предложил прогуляться по тропе здоровья.

Они шли не спеша, непринуждённо беседуя. Со стороны могло показаться, что встретились давние знакомые, у которых много общих воспоминаний о прошлом.

- Вам никогда не говорили, что Вы очень похожи на актёра кино Владимира Гусева? – вдруг спросила Ольга.

- Ну как же, в молодости говорили, - улыбнулся он. – Теперь не говорят.

И, помолчав, добавил:

- Старый, должно быть, стал и уже не похож.

- Но ведь и Гусев не молод. Ему за 70. И в этом возрасте Вы тоже с ним чем-то похожи, - ответила она. – Кстати, люди с возрастом очень меняются внешне. К примеру, кто из нас узнает в сегодняшнем Владимире Кореневе того красавца Ихтиандра из «Человека-амфибии», в которого были влюблены девчонки всего Советского Союза?

- Да уж... - засмеялся он.

Дни бежали незаметно. Вечерами Ольга уже не сидела в одиночестве в пустой комнате. Вместе с Надеждой Петровной и Николаем Сергеевичем они гуляли по тропинке в сосновом бору, ходили на танцы или проводили время у традиционного костра, где под аккомпанемент баяниста - культмассовика с удовольствием пели старые песни.

О своём новом знакомом Ольга знала уже всё. Оказалось, что на его долю выпало немало испытаний: год назад от рака умерла жена, с которой прожили без малого полвека. А несколько месяцев назад трагически погибла младшая дочь, работавшая крановщицей на заводе. Остался внук – шестиклассник, забота о котором легла на плечи деда. Старший сын живёт в том же небольшом городке под Тюменью, что и Николай Сергеевич, но отца навещает редко: семья, работа.

- Нелегко одному приходится,- смущённо признался он, - только не могу забыть мою Соню. Она была необыкновенная женщина: спокойная, доброжелательная, весёлая... Очень любила жизнь... Вы, Оля, напоминаете мне её... Оттого, должно быть, и потянуло меня к Вам...

- Ну что Вы, Николай Сергеевич,- растерянно ответила Ольга, - я не та женщина, на которую надо делать «ставку». У меня семья: муж, дети, внуки...

Вторая половина октября выдалась на удивление доброй. По утрам лужицы покрывались хрупким ледком. Днём же светило солнышко. А вечерами вновь становилось по-осеннему зябко. Ядрёный хвойный воздух был настолько свеж и приятен, что не хотелось возвращаться в корпуса. Отдыхающие небольшими группками, парами прогуливались среди величественных сосен, белоствольных, уже облетевших, берёз. Те, что постарше сидели на скамеечках, подстелив под себя шарфы, платки или же просто газеты. Жизнь в санатории текла своим чередом: размеренно, непринуждённо.

- Вот и закончилось моё лечение. Завтра утром уезжаю, - как-то грустно произнёс Николай Сергеевич. – К 10 часам за нами, тюменскими, приедет специальный автобус. Вы, Оля, проводите меня?

- Да нет... У меня в 9-30 процедуры, - ответила Ольга.

- Жаль...

Он помолчал. Вдруг резко остановившись, повернул её к себе лицом и неожиданно выпалил:

- Послушай, Оля! Поехали со мной! А? Я ведь по глазам вижу, что ты несчастлива. Хотя ничего мне о себе не рассказывала. Я постараюсь сделать для тебя всё, чтобы изменить твою жизнь... Поехали!

От неожиданности Ольга растерялась.

- Что Вы, Николай Сергеевич! У нас с Вами разные пути. Сколько в жизни бывает подобных случайных встреч. Вы ведь даже не знаете меня толком...

- Я вижу, Оля. Ты хороший человек. Мне легко и просто с тобой. Я был бы счастлив быть рядом... Поехали...

- Нет, - уже твёрдо сказала Ольга. - Доброго Вам пути. Удачи!

- Что даже и телефон не оставите? – вполголоса спросил Николай.

— Зачем? Мы просто познакомились и расстались... Продолжения не нужно ни Вам, ни мне...

Оставшиеся до отъезда три дня Ольга вновь провела за книгами. Надежда Петровна уже уехала и не заглядывала по вечерам. Накануне отъезда она зашла попрощаться и, как бы невзначай, сообщила:

- Знаешь, Оля, у Николая Сергеевича, действительно, умерла жена. Мне рассказала об этом знакомая, с которой мы вместе посещали процедуры. Она из того же городка, что и он. Есть женщина, что живёт по-соседству, приходит к нему – убирает комнаты, готовит, стирает. Не против бы и переехать к нему, да он не приглашает...

- Прости, Надя, но мне это не интересно, - отрезала Ольга.

С тех пор прошло три года. Сама не зная почему, но Ольга часто вспоминает те дни, проведённые в санатории, осенние прогулки в хвойном лесу и мужчину, похожего на актёра Владимира Гусева, который с грустью в голосе читал ей есенинские стихи.

Кот

Марина любила смотреть свой старый школьный альбом. Каждая фотография в нём пробуждала уйму воспоминаний, которые уводили в беззаботные годы, где всё было просто и понятно, где жили дружной семьёй мальчишки и девчонки – одноклассники.

Марина подолгу рассматривала снимки: вот в тени деревьев на лужайке расположились ребята-третьеклассники. Мальчики – в светлых рубашечка и школьных костюмчиках, девочки в форменных платицах и белых фартучках, с аккуратными косичками и бантиками. В центре – первая учительница Ирина Ивановна, что была для маленьких воспитанников второй мамой: следила за их опрятностью, заботилась о здоровье, жалела и успокаивала, хранила от детских обид; вот – они уже шестиклассники. Марина помнит «зелёный десант», когда они всем классом заготавливали берёзовые ветки для колхозного стада. С фотографии будто выплеснулся весёлый смех озорных ребят. Марина улыбнулась, вглядываясь в их смеющиеся рожицы; а вот – пионерский сбор. Они в пилотках и галстуках, вытянулись в струнку, подняв в пионерском салюте руки над головами. Крайний сбоку – Санька Амелин, гордо держит барабан; на следующей фотографии – выпускной 10 «Б»: повзрослевшие мальчишки в нарядных костюмах и похорошевшие девчонки по-прежнему в формах и белых фартучках, с огромными бантами....

Марина листала альбом, в котором с каждой новой странички смотрели лучистые глаза одноклассников. Её взгляд остановился на чёрно-белом снимке: красивый парнишка с тёмными, слегка волнистыми волосами и открытым взглядом, весело улыбается в объектив. Воротничок светлой рубашки слегка приподнят, а верхняя пуговица расстегнута, что делает снимок чуточку «взбалмошным», чувствуется необыкновенная мальчишеская раскованность. Это Володька Котов. В классе его звали коротко – Кот.

В третьем классе, в начале учебного года Марину посадили за одну парту с Котом. Они сразу подружились. Когда случалось, что Володька пропускал уроки по болезни, Маришка скучала по соседу. Он приходил в школу радостный и угощал её вкусными ирисками, рассказывал о злополучной болезни, что «вышибла» его из колеи на несколько дней. На 8 Марта она неизменно находила в своём дневнике красивую открытку, написанную Котом. А на день рождения он дарил какую-нибудь весёлую игрушку.

С тех пор ежегодно, возвращаясь в класс первого сентября, Кот и Марина усаживались за одну парту – третью у окна. Нередко он рисовал фантастические картины, изображающие жизнь подводных обитателей и людей, покоряющих морские глубины, собирающих богатства на дне-

кораллы, жемчуг. Были тут и человек-амфибия, и пловцы в сказочных скафандрах, ластах. Альбомные листы и цветные карандаши неизменно лежали в Володькиной парте. На уроках по устным предметам он доставал их и увлечённо занимался своим искусством, вкладывая фантазию и старание в рисунок. Марина с интересом наблюдала за работой Володьки, порой мысленно погружаясь в его фантазийные сюжеты.

Учился Кот легко и хорошо. Казалось, не было предмета, который бы он не знал гораздо шире школьной программы. Бывало, она бессовестно списывала у него задачки на самостоятельных работах по математике, физике, химии. На контрольных он успевал выполнить свой вариант и помочь соседке.

А ещё Кот был озорным. Случалось (чаще всего на уроке географии), когда в классе наступала тишина, неожиданно раздавалось приглушённое «мя-я-я-ууу...». Класс взрывался громким хохотом, только Володя и Марина продолжали внимательно «изучать» задание, данное учительницей Эвелиной Карловной. Она чуточку растерянно смотрела на ребят и с расстановкой произносила:

- Котов, встаньте! (Она всегда обращалась к ученикам на «Вы»)

- А что сразу я-то? – возмущался Кот.

Вообще, Эвелина была добрая, хороший педагог, обаятельная женщина, всегда аккуратно причёсанная, со вкусом одетая. Ребята её уважали. Знали и то, что она фронтовичка, в годы войны была зенитчицей. На праздник Победы она приходила в строгом серого цвета платье, с орденами и медалями. Откуда она приехала в посёлок – никто не знал. Только чувствовалось в ней городское происхождение, а в мягком говоре слышался «акающий» диалект. Ученики за глаза называли её «Королина» и старались добросовестно готовиться к каждому уроку по предмету.

Среди увлечений Кота была и фотография. Он любил делать снимки живой природы: яркая бабочка на цветке, кузнечик, на широкой травинке, пчела, собирающая нектар среди лепестков цветущей яблони, ящерица, пригревшаяся на пеньке, небольшая змея среди травы... Эти фотографии он, как и рисунки, дарил Марине. Часто фотографировал и её: то смеющуюся, то грустившую, играющую с котёнком, держащую в руках малыша-цыплёнка. Она была то среди цветущих яблонь, сирени, то с корзиной грибов в сосновом бору, то сидела на огромной поляне с одуванчиками, то прижимала к себе букет из осенних листьев... Все эти снимки Марина бережно хранила в отдельном альбоме, подаренном Володькой в десятом классе на день рождения.

Промчались школьные годы. Осенью Володька уехал учиться в военное училище. Марина поступила в педагогический. Они не переписывались. Но каждое лето на каникулах он приходил к ней в гости и они подолгу пересматривали школьный альбом, рассказывали друг другу о себе, о судьбах одноклассников. Как-то Володька пригласил её в кино. В полупустом зале после уличного зноя было прохладно. Фильм близился к концу, когда он осторожно и робко взял Маринину руку в свою.

- Кот, ты чего?- удивилась она, высвобождая ладошку. Он промолчал. После кино, проводив её домой, как бы невзначай обронил:

- Послезавтра отбываю... Завтра у меня соберутся друзья: посидим немного. Приходи...

К назначенному часу Марина была у него. До десятка парней и девчонок уже весело щебетали в комнате. Большинство из них были незнакомы девушке. Хотя одного – Саньку Истомина- Марина знала по школе. Он учился в параллельном классе и был спортивной гордостью школы – неизменным чемпионом по лыжным гонкам. В него влюблялись многие девочки. Марине он тоже нравился.

- О-о-о! Кого я вижу! – широко улыбаясь, приветствовал её Санька, - Маришка! Ты всё хорошеешь! Слышал, что мы с тобой, почти, коллеги: я ведь тоже в педу учусь – на физфаке...

Весь вечер он ухаживал за Мариной. С Котом она станцевала лишь один танец. Даже почти не разговаривали с ним. Зато Сашка болтал без умолку, сыпал комплименты и шутил.

Августовский вечер догорал малиновым закатом. В распахнутое окно из палисадника пьяняще пахло матиоллой, на невысокой молодой яблоньке весело чирикали воробьи.

Гости потихоньку расходились. Заметив, что и Марина направилась к выходу, Володька подошёл к ней.

- Я провожу тебя,- сказал он.

-Да, нет, не беспокойся, Кот,- улыбнулась она,- меня уж Санька пообещал домой доставить. А тебе я желаю счастливого пути. Удачи! Пока!

И она похлопала его по плечу, чуть приподнявшись на носочках, чмокнула в щёку...

Это была последняя встреча с Володькой. С тех пор она больше не видела его. На следующее лето он не приехал: закончив училище, отбыл по месту службы...

Да и она, получив диплом, уехала по распределению далеко от родных мест. Так ничего и не знала о судьбе Кота.

Много воды утекло с тех пор. Листая альбом, Марина вспоминала все эти события и будто наяву видела Володькины глаза, слышала его голос. Только теперь она отчётливо понимала то, что нравилась этому сероглазому парнишке. Возможно, была его первой любовью...

Кот навсегда остался в памяти светлым периодом её школьной жизни.

Томка

Всю ночь Томка плакала, уткнувшись лицом в подушку. Понимала, что слёзы эти совсем ни к чему, что надо принять случившееся, как должное, что жизнь продолжается, что... А впрочем доводов не плакать была уйма. А она плакала...

Июльская ночь была до бесстыдства светлой. Про такие в народе говорят: «Хоть иголки собирай». Звёзды на высоком небе казались ярче и крупнее обычного. Млечный путь виделся настолько светлым, будто был освещён гирляндами. А луна казалась улыбающейся краснощёкой девицей. Если взглядеться, то на ней, будто на географической карте, различались непонятные «континенты», окружённые светло-жёлтыми «морями». И даже думалось, что и там непременно должна существовать определённая цивилизация. А что? Ведь живут на нашей планете люди. Почему на других планетах не может быть жизни? Возможно она другая и населяют её другие существа земные человеки, а всё-таки реально не пустуют другие планеты.

В приоткрытое окно потянуло утренней прохладой. Пахло поспевающей вишней, которой в этом году видимо-невидимо. Вот и на небольшом кусточке под Томкиным окном её столько, что листьев почти не видно. Через недельку собирать можно – налилась-вызрела. И наварит Томка ароматного джема-варенья на всю зиму, компот позакатает в банки...

Лёгкий ветерок, будто шаловливый котёнок, чуть шевелит лёгкую штору на окне. Тишина. Осторожно вползает на подоконник утренний свет, чтобы не потревожить заснувшую хозяйку.

Рассыпались по голубой подушке в белых ромашках светло-каштановые волосы, разалелись щёки, чуть сдвинуты над покрасневшими глазами брови. Высохли, не оставив следа, ночные слёзы. Спит Томка.

От железнодорожного вокзала до воинской части ехать на рейсовом автобусе минут сорок. От остановочного комплекса до расположения гарнизона вела грунтовка. Мартовское солнце уже подтопило снега по обочине и весело играло в прозрачных лужицах. Томка уверенно шагала по твёрдому дорожному покрытию в направлении кирпичных корпусов, разбросанных среди величественных сосен. Была в этой картине какая-то необычная строгость. И чем ближе подходила к корпусам, тем громче стучало сердце. «

А надо ли?»- спрашивала мысленно себя Томка. «Надо!» - отвечало сердечко.

К КПП подошла уже уверенно. Молоденький солдат на вахте внимательно выслушал просьбу девушки о возможности увидеть Антона Черемисина.

- А кто он Вам? - поинтересовался.

Томка от неожиданного вопроса растерялась.

- Ну как мне доложить, кто к нему приехал, чтоб разрешили свидание,- продолжал солдатик.

Томка молчала. «А действительно, кто она? – крутились мысли. – Подруга? Сестра? Знакомая? ...Да, никто...»

- Я люблю его очень,- неожиданно для себя прошептала она,- я приехала увидеть его... И всё... Мне бы ненадолго...

Парень удивлённо посмотрел на неё.

- А ты хоть знаешь его подробный адрес? - спросил он.

- Вот.

Томка достала из сумочки бережно сложенный конверт и протянула незнакомцу. Он быстро глянул на адрес и кивнул головой.

- А он хоть знает, что ты приедешь?

- Нет...

-Ну ты даёшь. Ладно. Жди. Попробую.

Сколько минут прошло Томка не знала, и надеялась, что всё будет хорошо.

Парень провёл её в небольшую уютную комнатку, видимо предназначенную для свиданий, и уже по-дружески тепло бросил: «Жди!»

Она встала у окна, вслушиваясь в шаги за дверью. Неожиданно она распахнулась и через порог шагнул Антон. Такой знакомый и незнакомый: в шинели, шапке-ушанке, в сапогах. А на лице – удивление.

-Ты? Как ты здесь оказалась?

- Приехала. Мне так захотелось увидеть тебя...

А потом всё закрутилось, будто в колесе. Она даже толком не могла потом вспомнить о чём они говорили. Помнится, он сказал, что у него мало времени, что он «убежит в самоволку», чтобы проводить её до электрички. И они вылезли через какую-то дырку в заборе, шли через лес тропинкой, и он целовал её пылко, жадно, тепло... а она, как воск, таяла в его руках и была самой счастливой.

На вокзале он посадил её в вагон и с улыбкой помахал с перрона, когда она тронулась.

В город Томка приехала затемно и, окрылённая, быстро добралась до дома подружки – однокурсницы, к которой приехала в гости.

Первая майская гроза напоила воздух такой свежестью, что хотелось дышать глубоко-глубоко и улыбаться зелени клёнов, жемчужинкам-каплям на траве, щебетанью пичужек и просто солнышку в небе.

Антон и Томка сидят на влажных свежеструганных брёвнах и болтают ни о чём, просто так.

Неделя на дембеле промчалась быстрехонько. Ещё не почувствовал, что дома.

- Завтра в гости уезжаю, - неожиданно произнёс Антон.

- Надолго?- встрепелась Томка.

- Да, не знаю. Как погостится.

-Ну, пока,- огорчённо произнесла она.

Дни тянулись медленно и однообразно. Каждый вечер Томка шла в конец деревенской улицы, и, остановившись неподалеку от знакомого дома, всматривалась в окна, в которых горел за тонкими задёрнутыми шторами свет. Вернувшись домой, ложилась в кровать и подолгу смотрела в звёздное за окном. Пока сон не смыкал глаза. Почти каждую ночь ей снился Антон. Она бежала ему навстречу, а он уходил не взглянув на неё...

Вчера под вечер забежала к Томке подружка, Людка Меленина – хохотушка и непоседа. А девчонка хорошая, верная дружбе уже много лет. С какой-то непонятной серьёзностью посмотрела она на Томку.

- А знаешь, Антон приехал...с женой...

Всю ночь проплакала Томка. Так и не могла она понять, почему предал её тот, кого считала лучшим на земле, кого любила ещё со школы, кому верила.

Лучик солнца скользнул по стене и шагнул на подушку. Томка открыла глаза улыбнулась ему, тёплому и весёлому. От ночных слёз не осталось и следа. Где-то внутри она ощущала обидное чувство, но уже не такое тяжёлое, как вчера. Она знала и верила, что сумеет пережить эту боль. Ведь ещё ночью Томка приняла решение, что уедет из деревни в небольшой городок, куда ещё год назад приглашала её на работу однокурсница.

ЛИРИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ

Полевые цветы

(поэма)

В июньский полдень прибыл поездом
на знакомый с детских лет вокзал
солдат , что только прошлым летом
в армию мальчишкой уезжал.

Мать, своей тревоги не скрывала:

у судьбы неведомы пути.

У вагона тихо прошептала:

« Ты себя, сыночек, береги...

И пиши почаще, пусть немного...

Помни то, что я тебя люблю.

Сохранить тебя прошу я Бога,

об одном Всевышнего молю.»

И он писал: о службе, о ребятах,

как автомат свой ловко разбирал,

о марш-бросках, привычных для солдата,

и слал стихи, что по ночам слагал...

Но не было в тех письмах ни словечка
о беспределе, что творят «деды»,
как избивают слабых бессердечно,
не оставляя злых улик следы.

И пригодились ему те приёмы,
которым строгий тренер обучал,
когда он после школы вечерами
в спортзал на тренировки убегал.

Мать весточки от сына получала,
их знала, как молитву, на зубок.
И с гордостью знакомым сообщала:
«Отличник подготовки мой сынок!»

Соседка ясноглазая, Настюшка,
на огонёк, бывало, забежит.
«Ах, тётя Оля! Снится мне Андрюшка.
А писем написать он не спешит...

Конечно, я ведь для него «малАя»!

(по крайней мере, так и называл).

Но не всегда же буду я такая...

Вот подрасту, чтоб даже не узнал...

Приедет, а я выйду на крылечко,

да плечиком игриво поведу...

Он золотое купит мне колечко,

и свадьба наша будет на виду...»

Они смеялись вместе над мечтами
наивной девочки. Дитё – ни дать- ни взять...

И вместе карточки перебирали,
что бережно хранит в альбоме мать.

И вот теперь, шагая вдоль перрона,

Андрей уж дома мыслями давно.

И бьётся его сердце напряжённо:

то вдруг замрёт, то застучит оно.

А на перроне бойкие старушки

в букетах ярких продают цветы.

Он ищет просто белые ромашки,

как символ нежности и доброты.

Всегда он помнил, как их мама любит,
дороже для неё подарка нет,
чем полевых цветов – «гадалок судеб» -
ромашек белый простенький букет.

- Смотри, солдат, какие розы! Чудо!
Купи девчонке радости букет.
И дорого с тебя я брать не буду,-
сказала женщина Андрею вслед.

- Вы знаете,- смущённо он ответил,-
цветы, конечно, очень хороши,
но я ищу ромашек здесь букетик,
не для восторга. Просто для души.

- Тогда шагай, дружочек, чуть левее,
увидишь то, что требует душа...
И он пошёл вперёд уже смелее.
А вот и та, что он искал, спеша.

В нарядном бирюзовом полушалке
и в блузочке в горошек голубой,
стояла женщина, а рядом на каталке

ромашек белых пенится прибой.

На просьбу улыбнулась так открыто:

- А я, сынок, цветы не продаю.

Они – дары природы. Потому-то

я их бесплатно людям отдаю...

Ты сам возьми их, сколько тебе надо.

Пусть дарят радость и тепло цветы.

Они не просто для души отрада,

ромашки – это символ чистоты.

Андрей немного растерялся право,

она же продолжала говорить:

- Ты помолись, сынок, за бабу Клаву,

коль доведётся тебе в храме быть...

Букет ромашек. Белоснежно- чистый.

Пусть нет в них роскоши, обычные цветы,

в них притаилось солнышко лучистое,

частица деревенской простоты.

Как их душою чистой любит мама,

из детства помнил наизусть Андрей.

Отец ромашки ей дарил те самые,
когда его встречала у дверей.

Шутил, с улыбкой, нежно обнимая:

- Лесовичок букетик шлёт любя.

Его вручаю я тебе, родная,
ромашковая Олюшка моя!

В лесхозе вальщиком отец трудился.

Беда подстерегла его весной...

И в дом однажды он не воротился,
приваленный упавшею сосной...

Уютный домик, в зелени беседка,
в саду хозяйка ягоды берёт.

- Смотри, Сергеевна, вдруг крикнула соседка, -
никак Андрей по улице идёт!

- Да где же? Где? – враз Ольга встрепенулась.

- Да вон, у школы, - вымолвила та.

- Ах! В улицу, спеша, рванулась,
распахивая настежь ворота!

Шагал солдат уверенной походкой
вдоль улицы зелёной и родной,
и улыбался. В деревеньке кроткой
всё также тишина, уют, покой.

Вот отчий дом, знакомая калитка,
и бросилась навстречу сыну мать.
Он прячет чуть смущённую улыбку,
спешит её обнять, поцеловать.
Она не знает плакать, иль смеяться,
растерянно прижалась к груди.
От радости не может удержаться,
и шепчет ласково: « Ты погоди,

Дай на тебя, сыночек, насмотреться.

Как вырос-то! Узнать не хватит сил...

Идём же в дом! Блинков поешь, как в детстве!

Что ж о приезде ты не сообщил?»

И на него смотрела восхищённо,
слезинки робко утирая с глаз.

И об одном твердила чуть смущённо,
как счастлива, что сына дождалась.

Андрей, целуя мать в глаза и щёки,
по- детски улыбался ей в ответ.
И, высвободив от объятий руки,
ей протянул ромашковый букет.

- Возьми, родная, для тебя подарок,
в нём столько нежности и теплоты.
Пусть не богат букет, не очень ярк,
но в нём твои любимые цветы.

Не зря, должно быть, говорят в народе:
где ты родился – пригодился тут.
В деревне нет ни фабрик, ни заводов,
но люди здесь работают, живут.

Андрей душою не стремился в город.
Деревня – сердцу дорогой причал.
Когда ты полон сил, уверен, молод,
достигнешь в жизни то, о чём мечтал.

Он с детских лет уже мечту лелеет,
и в снах счастливых грезит об одном:
учить детей тому, что сам умеет.

И он пошёл работать физруком.

К нему душой тянулись ребяташки,
уроки физкультуры – тот предмет,
когда, забросив в дальний угол книжки,
в спортзал спешили, как на яркий свет.

Там время пролетало незаметно:

Уроки, игры, тренировок бег.

Здесь из мальчишек, часто неприметных,
росли спортсмены, мастера побед.

Ах, отпуск! Отпуск! Время золотое.

Как от забот приятно отдохнуть.

Погожим утром, с лёгкою душою,

Андрей сегодня в город держит путь.

Шуршат, чуть слышно, по асфальту шины,

мотор привычный разговор ведёт,

а за окном знакомые картины:

над горизонтом солнышко встаёт,

мелькают то поля, то перелески,

безоблачного неба высь чиста,

берёз – невест зелёные причёски –
родные зауральские места...

Вокзал наполнен толчеёй и гамом,
куда-то едут люди, все спешат.
Среди толпы чужой и незнакомой
Андрей опять идёт в цветочный ряд.

Обрадовалась баба Клава встрече,
Андрея, обнимая горячо,
шептала: «Вспоминала каждый вечер,
и за тебя молилась при свече...

Ты стал мне дорог, ты родной мне будто.

Постой, сынок, со мною. Не спеши.

Я всем дарю сегодня незабудки,
они ведь тоже очень хороши.

У нас в России нет цветов скромнее,

хоть и совсем не ярок их наряд,

а глянешь, и становится теплее.

И не забудешь – люди говорят.

Ты их возьми голубенький букетик
и подари тому, кто так любим.

Поверь, подарка лучше нет на свете,
и на сердце светлее станет с ним».

- Я, баба Клава, к Вам не без подарка
пришёл сегодня, - вымолвил Андрей.
И полшалок тонкий, нежный, яркий,
с улыбкою, легко накинул ей.

А полшалочка того нет краше,
что лёг на плечи женщине седой:
по яркой зелени букеты из ромашек,
как лоскуток поляны луговой...

Шептались чуть язвительно соседки:
«Глянь, Клавдия цветы не продаёт!
Такой товар пусть редко, да уж метко
она «на бартер» людям отдаёт...»

Промчался год. Опять в разгаре лето.
Дни знойные и ярче и длинней.
Июньским утром, налегке одетый,

вновь в город отправляется Андрей.

В барсетке, где ключи и документы,
везёт подарок немудрёный он:
чтоб не откладывать общения моменты,
купил он бабе Клаве телефон.

Опять перрон его встречает шумом.
Воскресный день. И дачники спешат.
Привычно, в направлении знакомом,
Андрей идёт туда – в цветочный ряд.

Но вот уж до конца его проходит,
и удивлённо останавливает взгляд.
Никак он бабу Клаву не находит,
на месте, где она должна стоять...

От неожиданности как-то растерялся.
«Случилось что?» - мысль в голову закралась.

Ведь целый год он с нею не встречался,
«А может просто где-то задержалась?»

Окинул взглядом всех цветочниц сразу.

Вот, кажется, знакомую нашёл:

она купить советовала розы
в тот день, когда из армии пришёл.

Собравшись с мыслями, спешит к старушке:

- Скажите, я тут бабушку ищу,
она носила на перрон ромашки.

Быть может, вспомните. Я Вас прошу.

Да, знаю. И тебя я вспоминаю,
ты за цветами к Клавдии ходил.

Прости, что нынче вестью огорчаю:

Господь её на небе приютил...

Где похоронена? Увы, не знаю...

Да и откуда же могу я знать?

Расстроился? Тебя я понимаю.

А ты сходи, спроси в военкомат.

В знакомом здании военкомата,
где героическая слава человечества,
в фойе на стендах строгие плакаты
для завтрашних защитников Отечества.

По – прежнему тут атмосфера чести,
ответы лаконичны, как приказ:
- Пройдите прямо. Генерал на месте.
А кто Вы будете? Я доложу о Вас.

Военный комиссар, высокий, статный,
виски, что иней – в ранней седине.
- Что привело Вас? Впрочем, всё понятно.
Должно быть, дело важное ко мне.

-Простите, что я время отнимаю,
я объясню подробно всё сейчас:
ищу я бабушку. Фамилии не знаю.
Мне почему-то посоветовали Вас.

И, кратко изложив свою проблему,
Андрей умолк, надежду затая.
-Что ж знаю. Просьбу я приемлю.
О Клавдии Петровне речь твоя.

А сын её погиб в Афганистане.
Тогда я в части вместе с ним служил.
Он часто – часто вспоминал о маме.

Да не вернулся. Голову сложил.

Вот оттого-то Клавдия Петровна

все эти годы мне, как мать была.

Учительница в школе. Очень скромная.

Она совсем-совсем одна жила...

Её мы очень часто навещали,

в гостях бывали нашей всей семьёй.

Она всегда радушно нас встречала,

Пекла пирог на случай на такой.

Андрея, сына, часто вспоминала.

Он для неё, как будто, был живой...

А по весне могилку прибирала,

ту, где увенчан памятник звездой...

Когда же в ноябре случилось горе,

которого никто не ожидал,

я пережил такой удар... Не скрою.

Казалось, мать родную потерял...

Её мы в путь последний проводили.

Всё честь по чести. В день осенний сей

С Андреем рядышком похоронили...

А хочешь, съездим на могилу к ней?

И снова год движенье завершает.

Последний день его уже настал.

Снег сказочно пушистый тихо падает.

А в клубе нынче новогодний бал...

Тут стар и мал – все дружно веселятся.

В деревне испокон так повелось:

На праздники всем вместе собираться.

И в клубе - каждый долгожданный гость.

Разгорячённые, со смехом звонким,
в снежинках и с румянцем на лице,
спешили шумной стайкою девчонки,
отряхиваясь дружно на крыльце.

Ребята шли, вышагивая чинно,
здоровались за руку – по-мужски.

Шутили, улыбались без причины,
друг друга называли – «земляки».

Всё было тут по-деревенски просто:

играла музыка, и пары танцевали,
сверкала ёлка пышная игристо,
и Дед Мороза с внучкою встречали...

Среди девчат Андрей легко приметил
одну, что как Снегурочка была:
в блестящем платье, на руках браслеты,
в косе снежинка белая цвела.

Он через зал уверенно шагает.
Ту девушку, что, как заря, цветёт,
на танго медленное приглашает
и за руку Снегурочку берёт...

Играет музыка. Легко и плавно
ведёт по кругу спутницу Андрей,
и думает: «А ведь девчонка славная!
И что-то есть знакомое мне в ней...»

Рассматривает девушку украдкой:
лицо открытое и русая коса,
зачёсанная до единой прядки.
Дугою брови, синие глаза...

«Иметь жену такую – чем не счастье!

Но где ж она мне встретиться могла?»....

Вдруг осенило: « Да ведь это Настя!

Что по соседству рядышком росла».

- Ну, здравствуй, Настя,- шепчет ей на ушко,-

как выросла! Я не узнал тебя.

-А я тебя вот помню. Ты Андрюшка...

И мир вокруг качнулся не шутя...

Так целый вечер больше не расстались,

от Настеньки Андрей не отходил.

То в хороводе за руки держались,

то в вальсе плавном он её кружил.

Когда ж вступил в свои права Год новый,

и час настал всем по домам идти,

- Я провожу тебя,- Андрей промолвил.-

Нам, кажется, с тобою по пути....

Пять лет прошло. Как день один промчались.

Окончен институт. Диплом при ней.

И было всё, как Настеньке мечталось:

любовь, колечко, свадьба и Андрей...

На свадьбе Ольга, радость не скрывая,
(Теперь уже законная свекровь),
невестку, будто мама, обнимая,
вдруг вспомнила ту детскую любовь:

-Вот видишь, Настенька, всё так случилось,
как видела в те юные года.

Ты навсегда с любимым обручилась,
так будьте счастливы отныне навсегда...

В июньский день Андрей, уже привычно,
с женой и сыном в город едут вновь.

На кладбище несёт он по обычаю
букет огромный полевых цветов.

И спросит сын, когда звезду увидит:

- Скажи мне, папа, здесь погиб солдат?

И он ответит: - Тут родные люди:
вот бабушка моя и старший брат.

В Новогоднюю ночь

Новогодняя ночь. Звёзд мерцанье.

Голубой серебрится снег.

Я иду к тебе на свиданье

Самый лучший мой человек.

А вокруг чужое гулянье:

Шутки, смех и бокалов звон,

Да счастливые пожелания,

Да биенье сердец в унисон.

И я снова наивно верю:

В новогоднюю дивную ночь

Мой порог, за заснеженной дверью,

Обойдут все печали прочь.

И исполнятся все желания,

Ведь в мечтах уже много лет

Я спешу к тебе на свидание

Самый мой дорогой человек.

Родина

Родина. Мне нет тебя дороже,

И любимей тоже края нет.

Чем-то ты на мать мою похожа:

Излучаешь и тепло, и свет.

В лёгком сарафанчике из ситца,
С русою распущенной косой,
Гордо, величаво, как царица,
Ты идёшь несжатой полосой.
И шумит пшеница золотая,
И не видно полюшку конца.
Ветер-озорник легко играет
Лучиками солнца у лица.
И улыбка светлая, как небо,
Словно родниковая вода.
А ладони сладко пахнут хлебом,
Сдобренным изюминкой труда.

Я - деревенская

Не зови, я к тебе не приеду.
Есть на это причина веская:
Твоему я чужая городу,
Оттого, что душой деревенская.
Здесь рассветы мои и закаты,
Травы шёлковые в росе,
И весеннего грома раскаты,
И леса в осенней красе.
Я впитала здесь запах хлеба,
Аромат цветущих лугов,

Бесконечное синее небо
И пьянящий порыв ветров.
Тут меня за родную считают
Перелески, луга, поля...
По-особому пух осыпают
Деревенские тополя.
Мне деревня до боли близкая:
Сей земли тонкий я колосок,
Каждой клеточкою деревенская,
Жизнь берёт в ней живой исток.
За околицей пахнет мятой,
Свищут в рощице соловьи.
И поют вечерами девчата
О разлуке, о счастье, любви...
А какие цветут ромашки!
Нет их чище, нежней, белей.
Что на свете может быть краше
Этой родины малой моей?

Не приеду к тебе. Не приеду!
Вот такая я. Может странная...
Мне дороже любого города
Деревенька моя деревянная...

Журналистские тропы мои

Много лет отдала журналистике,
За любую тему бралась.
И она (коли верить статистике),
Есть в стране четвёртая власть.
Вдохновенье во мне будили
Интервью, репортажи, статьи.
И куда только вы не водили,
Журналистские тропы мои!
На поля, где зреет пшеница,
И в луга, где звенит сенокос,
В школьный класс, в сельский клуб,
в больницу,
В шумный цех заводской и в колхоз...
И сплетались в узоры строчки....
Журналист – он универсал:
То учитель, то врач, то рабочий,
Словом тот, о ком написал.
И опять, будто нотами к песне,
Бегло строки ложатся на лист.
Нет профессии интересней:
Я- искатель, я- журналист!

Чем пахнет лето

Пахнет лето огурцами
И укропом в огороде,
Да подсолнухом цветущим
С жёлтой шляпой набекрень.
С солнечными бубенцами
Между грядок лето бродит.
В полдень жаркий, в полдень душный

Пёс Артос улёгся в тень.

Пахнет клевером и мятой,
Пахнет донником медовым,
Да, подвяленной на солнце,
Свежескошенной травой.
Да полынью горьковатой...
И мне чудится, что снова,
Будто в детстве, пью до донца
Сей целительный настой...

Земляникой пахнет лето,
Да клубникою лесною.
Их в плетёные лукошки
Набираю до краёв.
Щедрым солнышком согреты,

Под раскидистой сосною,
Сыроежки, как матрёшки,
Разбежались средь цветов.

Пахнет лето тёплым ветром
И малиновым рассветом,
Яблоками наливными,
Вишней спелую в саду.
И при всём, при всём при этом
Лето пахнет просто летом.
Аромат вот этот дивный
В своём сердце берегу.

Ковёр

Из снежинок вытку ковёр,
Кружевной, мягкий, тонкий-тонкий.
Я сама воссоздам узор,
И наполню мелодией звонкой.
Пораскину его на поля,
На луга, словно бы покрывало.
Отдыхай, родная земля.
Ты, кормилица наша, устала.
Слушай, матушка, песни ветров,
Завывание вьюги капризной,

Чтоб весной молодою вновь
Возродилась ты новой жизнью.
Из снежинок ковёр кружевной
Пусть надёжно тебя хранит.
А пока над спящей землёй
Белой сказкою снег кружит.

Усталая любовь

Ты сегодня струн души не трогай
И не говори мне лишних слов.
Что присела сиротинкой у порога
Ты, моя усталая Любовь?

Я тебя не прогоню в отчаянье,
Выслушаю исповедь твою.
И вернусь нежданно - нечаянно
В юность отшумевшую мою...

Вновь уйдёшь – шаги в ночи растают,
И не скажешь мне прощальных слов,
Чистая, красивая, святая,
Ты, моя усталая Любовь...

Свидание с юностью

Тамакулье. Знакомая улица.
На свиданье пришла к тебе вновь.
Деревенские избы сутулятся
Среди новых больших домов.
Неужель ты меня не услышала?
Неужель не узнала меня?
Что грустишь под ветхими крышами,
Низко голову наклоня?
И глазами подслеповатыми
Избы вслед виновато глядят,
Через годы, что стали датами,
Будто вспомнить меня хотят.
Нет, теперь я тоже другая:
Седина серебром в волосах,
Уж улыбка светло не играет,
Нет бывшего задора в глазах.
Вновь иду я родною улицей,
Той, где память моя живёт.
И опять сердце бьётся-волнуется,
Словно встречи с юностью ждёт.
На пригорке – начальная школа,
Та, что снится мне до сих пор.

За окраиной – овражки весёлые,
Да холмы Тамакульских гор.
Сельский клуб в тополином парке,
Танцплощадка и обелиск...
Всё так в памяти близко и ярко.
А прошла уже целая жизнь...
Только мне всё верить не хочется,
Что букетом сирени вновь
Никогда ко мне не воротится
Та весна, та моя любовь.
И сегодня с душевною болью,
Мне свиданье пора оборвать...
И скажу я «Прощай» Тамакулью,
Чтоб уже не вернуться назад.

Цыганские костры

Я люблю цыганские песни,
Их напев душевный и вольный.
Сердцу станет в груди вдруг тесно
И тревожно, и чуточку больно.
Я люблю цыганские пляски
У костра, под гитары звон,
Когда в вихре огня, как в сказке,
Небо кружится в унисон!

Над костром – прямо в небо искры,
Там, наверно, становятся звёздами,
Чтоб потом изумрудные брызги
Разбросать щедро в травы росами.
Словно отсвет степного пожара,
Те огни цыганских костров.
До зари будет плакать гитара
В чистом поле среди шатров.
Таково оно, счастье цыганское:
Воля в жизни дороже всего.
Мне бы вслед за бродячей повозкою
Убежать далеко-далеко...
Затеряться безвестно в таборе
И о прошлом своём забыть,
Чтобы в песнях, как будто в море,
Все печали свои утопить...

Осеннее

Я осенней свежести напьюсь,
Соберу букет из жёлтых листьев,
Поутру в прохладу окунусь,
Как в святой родник водицы чистой.
Обниму румяную зарю,
На осинки искрами упавшую,

И в пожаре этом догорю
Веточкой багряною вдруг ставшая.
Милая осенняя пора,
Ты на краски вновь не поскупилась.
Мне почудилось, что лишь вчера
С юностью своею я простилась.

Песня о родном крае

(к юбилею Каргапольского района)

Край любимый под мирным небом
Средь лесов, озёр и полей,
Одаряет нас щедро хлебом,
Да поёт в саду соловей.

Припев: Край берёзовый, небо синее,
Луговой травы аромат,
Уголок зауральской России
Красотой неброской богат.
Ах, Миасс-река, да простор полей,
И огонь рябин под окном,
Нет тебя светлей, нет тебя милей,
Наша Родина, отчий дом.

Здесь живут работающие люди,

Пашут, сеют и ждут урожай,
Трудовой романтикой буден
Славят наш каргапольский край.

Припев:

Солнце нового дня поднимается
И плывёт малиновый звон.
Пусть в веках живёт и не старится
Наш родной Каргапольский район!

Припев:

Крещение Господне

В день январский, как обновление,
Как явление Божества,
К нам приходит Господне Крещение –
Праздник Веры и Торжества!
После Всенощной в каждом Храме,
Вновь в молитве главу преклонив,
Православные христиане
Просят Бога помиловать их.
И с иконами утром ранним
Крестный ход, как живой поток...
И парит вода в иордани,
Словно налит в неё кипяток...

Сотворивши молитву, смело
Будут люди в купель входить...
И мне чудится: голубь белый
Благодатью их озарит...
Русь святая – душ просветление!
Со смиреньем, с любовью большой
Принимает в Господне Крещение
Очищенье живою водой!

За деревней, в роще берёзовой
Поутру поют соловьи,
Расстиляется пеной розовой
Покрывало нежной зари,
Пахнет пряно травой некошеной,
Ключ прохладный в низинке журчит.
В тишине, будто гостьей непрошенной,
Моя молодость в душу стучит....
Ну, зачем? Ведь прошли безвозвратно
Золотые, далёкие дни.
И уже не вернуться обратно,
Не согреют сердце они...
Но грустится светло о прошлом.
Как минуты те хороши!
Знать в берёзовой этой роще

Есть частичка моей души....

Где найти мне слова такие,
Чтобы нежности не тая,
Рассказать про чувства святые,
Синеокая Русь моя.

Я люблю твои рощи зелёные,
Аромат полевых цветов,
И озёр глубину бездонную.

И бескрайний простор лугов.

О тебе боль моя и тревога,
В том признаться, я не стыжусь.

И прошу в молитве у Бога:
«Защити мою матушку - Русь!»

Гимн России

Есть минуты, что вечно помнятся,
Чем привыкли мы дорожить.
А моё сердце гордостью полнится,
Когда «Гимн России» звучит.

В нём величие, сила, слава,
Торжество высоких идей.
А мелодия, будто оправа
Слов и мыслей, что нет мудрей.

В нём «Отечество наше свободное»,
То, чем свято мы дорожим.
Красота и раздолье природное,
Всё, что любим, то, что храним.
В нём мне видится небо высокое
И лугов зелёный простор,
Вся Россия моя синеокая,
Отражённая в глади озёр.

Деревенские шумные праздники
И размеренный шум городов.
Вольный ветер бродит проказником
В жёлтых нивах спелых хлебов.

И на храмах её православных
Колокольный чарующий звон,
Да победы защитников славных,
Не вернувшихся с разных войн.

К ним я будто душой прикасаюсь,
Сердце громким набатом стучит...
Вновь я гордостью наполняюсь,
Когда «Гимн России» звучит.

Дюймовочка

(Лерочке)

Маленькая девочка –
Синие глаза.
И тебя, Дюймовочка,
Не любить нельзя:
Розовые щёчки,
Волосы – ленок
Губки – лепесточки,
Звонкий голосок.
Целый день в движении
Быть не устаёшь:
Танцуешь с наслаждением,
Песенки поёшь,
Прыгаешь, как мячик,
Бегаешь – стрелой...
Где шалунья прячет
Ключик заводной?

Непоседа – Лерочка,

Зайка – егоза.

Маленькая девочка –

Синие глаза.

На пороге юности

(Насте)

Где же грань между детством и юностью,

Та невидимая черта,

Когда мир наполняется нежностью,

А душа кристально чиста?

Когда верится только в хорошее,

Не решаемых нет проблем,

И ещё недалёкое прошлое

Где-то рядышком бродит совсем...

С беззаботным прощаясь детством,

Сохрани в душе навсегда,

Как огромнейшее наследство,

Незабвенные эти года.

Ты вступаешь в прекрасную юность,

Так смелее вперёд иди.

Ненароком чтоб не споткнулась,

Я молюсь за удачу в пути.

Пусть счастливою будет дорога,
И звезда твоя к цели ведёт.
И прошу о тебе я у Бога:
«Сохрани и спаси, Господь!...»

Свиристели

Снег пушистый – чудо из чудес-
Падал тихо с высоты небес.
А сегодня утром свиристели
На рябину под окошком прилетели.
Куст осыпан гроздьями, как в сказке,
Собирай богатство без опаски.
Ягоды клевали терпко-сладкие
Шумные проказницы-хохлатки.
А закончив утреннюю трапезу,
Дружной стайкой улетели сразу,
На снегу оставив под рябиной,
Как кровинки ягоды-рубины.

Заболела весной

Отмели, отшумели метели.
Что-то снова случилось со мной:

Знать под музыку звонкой капли
Я опять «заболела» *весной!*
Пляшет в лужах весёлое солнце,
И вернулись в скворечник скворцы,
И душа моя радостью полнится,
Будто слышу в ней бубенцы.
Знаю, все желанья исполнятся,
Что загаданы тайно мной.
Ведь недаром под ласковым солнцем
«Заболела» я вновь *весной!*

Осень жизни

Жизнь моя, словно реченька быстрая,
Утекла. И возврата ей нет.
Уж дороги назад не выстроить,
И на поезд не взять билет...
Отцвели луговые ромашки,
И отплакали журавли,
Только с тихой печалью машет
Моя молодость в синей дали.
Не тревожь понапрасну душу,
Не буди весенний напев...
Песню осени дай дослушать,

Золотою листвою облетев...

По ночам тихо плачу в подушку,
Камнем тяжесть на сердце ложится.
Так уж вышло, что нет подружки,
С кем бы болью могла поделиться...

Я для мужа давно чужая,
У детей – проблемы свои...

Никого я не утруждаю:
Эти трудности только мои...

И живу, покоя не зная,
Без остатка себя отдаю...
А ночами, душою страдая,
Молча слёзы в подушку лью...

Посмотри, какое небо:
Синь от края и до края.
И запомни, где б ты ни был,
Этот миг благословляя.

В поле белые берёзки,
Как девчонки, разбежались,
Их зелёные причёски
На ветру порастрепались.
Солнце тёплыми лучами
Нежит шёлковые травы,
Земляникой и цветами
Одаряют нас дубравы.
Край родной, земля святая,
Мне тебя дороже нет:
Синь от края и до края,
Да берёзок русских свет...

МИНИАТЮРЫ

Кленовый листочек

Стоял конец августа. И хотя календарная осень ещё не наступила, был он по-осеннему промозглым и неудобным: несколько дней небо укрыто тяжёлыми тучами, временами моросит нудный мелкий дождь, столбик термометра даже днём не поднимается выше 16 градусов. Одним словом: август напоминает октябрь...

После рабочего дня возвращаюсь домой. Иду по безлюдному парку. На качелях вверх – вниз качается девочка лет 5-6 в розовой курточке и белой вязаной шапочке. «Странно, - подумала я, - и хочется ей в такую погоду на мокрых качелях качаться? И почему она одна?»

Увидев меня, девчушка легко спрыгнула с качелей и побежала навстречу.

- Здравствуйте! – широко улыбаясь, поприветствовала меня.

- Здравствуй, - ответила я, в свою очередь.

- Вот! Я Вам дарю! – она протянула мне тронутый желтизной, с зеленоватыми прожилками, кленовый листочек.

Чуть растерявшись, я недоумённо бросила взгляд вокруг – все деревья ещё стояли в зелёном наряде, осень пока не коснулась их своей кистью.

- Я его там нашла, - словно угадав мои мысли, промолвила девочка и кивнула в сторону сквера Победы, примыкающего к парку, - он там один был, больше нет. Он золотой!

- Спасибо.

Я взяла «золотой» и продолжила путь, а девочка подбежала к качелям и снова вверх – вниз весело скрипнули они...

Не знаю отчего, но вдруг светло и солнечно стало на душе. Мне был совершенно не нужен этот жёлтый кленовый листочек, но бросить его, было жаль, он, словно, согревал невидимым теплом мою ладонь, и я бережно, как драгоценное сокровище, несла его.

Дома положила «золотой» в старую книгу, где он со временем высохнет, но сохранит светлое воспоминание о незнакомой девочке, которая с радостью, от всего сердца подарила его однажды...

Отчего мы, взрослые люди, не понимаем, порой, как легко можно дарить окружающим тепло своей души? А ведь стоит лишь посмотреть на мир детскими глазами, и на миг превратить его в волшебную драгоценность, которую щедро подарить первому встречному.

Момент истины

Леночка отмечала свой шестой день рождения. Её детсадовские друзья пришли весёлые и нарядные. Мама накрыла праздничный стол с разными «вкусностями». В центре красовался большой красивый торт с шестью разноцветными свечечками. Шумная компания расселась за столом, именинница принимала подарки и с восторгом рассматривала их: смешной гномик в красном колпачке, две куколки – малютки в ярких ажурных платьицах, забавный котёнок с огромным бантом на шее, мышонок, который весело поёт: «Я мышонок хоть куда, не скучаю никогда, я играю целый день, только мне работать лень...» и другие забавные игрушки. А Оля как-то неуверенно протянула завёрнутого в целлофан розового поросёнка, у которого вместо пяточка красовалась аккуратно пришитая большая малиновая пуговица, а вместо глаз - две маленькие перламутровые синие. Ушки и хвостик оформлены из кусочков розовой кожи. «Я сама его сшила», - скромно сказала Оля. Равнодушно повертев в руках хрюшку, Леночка бросила его к подаркам. Среди них он выглядел как-то нелепо, будто гадкий утёнок.

Вечером мама тихо вошла в детскую и увидела, что Лена увлечённо играет новыми игрушками. Поросёнок – самоделка отброшен в сторону.

- А что ты этой игрушкой не играешь? – тихонько спросила мама, - он ведь скучает, и тоже хочет играть.

- Он некрасивый, - ответила дочка, не отвлекаясь от игры.

- А посмотри, какие у него синие глаза, почти как у тебя, - продолжала мама.- И вообще он очень добрый. И ни у кого в мире больше нет такого. Олечка сшила его сама. Он хочет быть твоим самым верным другом.

Мать не стала объяснять, что у Оли большая семья и живут они трудно, что магазинные игрушки в их доме - редкость. Вместе с мамой и бабушкой они фантазируют, делая своих кукол, зверушек и другие поделки.

Только когда дочка уснула, она увидела, что рядом с подушкой прикорнул розовый поросёнок.

Яшенька (так назвала его Лена) стал её любимой игрушкой.

Эту историю рассказала моя знакомая. А мне подумалось, сколько мудрости следует вкладывать в беседу с ребёнком, чтобы дать ему понять истинную ценность окружающих нас вещей и нравственных поступков.

Чем пахнет снег...

Лёгкий пушистый снег медленно падал на землю. Снежинки были настолько крупными, что напоминали рисунок из волшебной новогодней сказки, они словно были искусно вырезаны из ажурного бархата умелыми руками небесного художника.

По аллее вечернего парка не спеша идут двое: парень и девушка. Они о чём-то весело беседуют. Порой она останавливается и поднимает руки ладонями вверх, на которые падают узорные снежинки. Они не сразу тают на варежках, позволяя рассмотреть себя.

Поравнявшись с молодой парой, слышу отрывки их разговора:

- Чувствуешь, как пахнет снег? - чуть загадочно произносит она.
- Да-а-а, - отвечает с улыбкой он.
- Он пахнет свежестью, морозом, зимой,- размышляет она.
- А ещё нашим счастьем,- дополняет он.
- Знаешь,- вдруг останавливается она, - если у нас будет девочка, - назовём её Снежаной. Ну и пусть не зимой родится, но ведь именно под этот снег мы нашли ей имя. Когда она вырастет, мы расскажем как оно «родилось», - и на её лице появляется счастливая улыбка...

Я догадываюсь, что эти двое ждут ребёнка. Они ещё не знают, кто у них будет, но уже любят малыша, дарят ему положительные эмоции. А значит быть ему счастливым.

Продолжаю свой путь. Уже не доносятся до меня слова, что говорят молодые люди, но я улыбаюсь, и на душе легко и радостно...

Невольно ловлю себя на мысли: «А чем пахнет снег?»

Голубка сизокрылая...

Я не заметила, как появилось в уголке балкона уютное гнездо. В солнечное апрельское утро, выглянув в окно, увидела сидящую на нём голубку. Приютившись в уголочке, с аккуратно сложенными крыльями, она казалась маленькой и незащищённой. Всякий раз, когда кто-нибудь из нас выглядывал в окно, она чуть склоняла головку и скашивала глаз в нашу сторону. Как-то, осторожно открыв балконную дверь, я тихонько вышла, поставила перед ней баночку с водой и положила хлебные крошки. Не знаю, испугалась ли она, но с гнезда не тронулась.

Наблюдая за птицей, увидела, что часто навещается к подруге гордый, с красивым оперением голубь-сизарь. Усевшись на краешек балкона, он осмотрится вокруг, а затем, опустившись рядышком с гнездом, заботливо «гладит» голубку клювом по голове, шее. Они целуются, ласково касаясь друг друга. Смотреть удивительную картину голубиной любви хочется не отрываясь. И думается о том, как много можем взять для себя мы, подражая этим обыкновенным, ничем неприметным на первый взгляд, птицам: нежность, заботу, любовь.

Пройдёт немного времени, и появятся у голубиной пары маленькие птенцы. Интересно, будут ли они считать это гнёздышко на балконе своим родным уголком?

Дефицит вежливости

Конец рабочего дня. И прежде чем направиться домой, мы спешим попутно «заскочить» в магазин - записаться необходимым провиантом. В эти часы пик здесь бывает особенно многолюдно и продавцам приходится работать с особым напряжением.

Постояв у витрины с мясными изделиями, к прилавку подходит старушка и чуть стеснительно обращается к девушке-продавцу: «Скажите, сколько стоит вот эта колбаса?». Её сдерживая раздражительность, та отвечает: «Там всё написано!».

В растерянности, чуть слышно, старушка произносит: « Да, кабы видели мои глазоньки, не спросила бы...» .

Расчитавшись за покупку, подхожу к ней и говорю, сколько стоит та самая колбаса.

- Спасибо, доченька,- шепчет она в ответ.

Где-то в душе накачивается комочек тепла: давно в моём возрасте никто не называл меня доченькой, чаще по имени-отчеству. Невольно вспомнилась мама.

К сожалению, подобную ситуацию нередко приходится наблюдать не только в торговых точках, но и в других местах сферы обслуживания. Вежливость становится всё в большем дефиците. А ведь бывает так приятно получить в ответ добрую улыбку, частичку душевного тепла. Это совсем нетрудно, а как светло становится вокруг.

Добрые узелки

Тёплый летний вечер. Молодые мамы гуляют в парке с детьми. Малыши играют в песочнице, качаются на качелях, катаются с горок. Многие из них совсем недавно научились делать первые неуверенные шаги. Мама заботливо следят за ними и учат первым правилам поведения.

Вот маленькая голубоглазая девчушка, отбросив свою зелёную лопатку, берёт такую же, но красную у соседки и начинает старательно ковырять песочек. «Хозяйка» хмурит брови и пытается отнять своё. «Пусть девочка поиграет твоей лопаткой,- вмешивается в «конфликт» мама,- ты ведь не жадная и разрешишь ей. Правда?» Ребенок соглашается. И тут же мальчик в зелёных шортиках протягивает свою машинку с кузовом, чтобы грузили в неё песок. Он тоже не хочет быть жадным. Вот он –первый узелок: умение делиться с друзьями.

Девочка в нарядной шляпке допивает сок, и вертит в руках маленькую упаковку с трубочкой: куда бы её бросить? « Отнеси коробочку в мусорку»,- советует мама. И малышка направляется к урне, осторожно опускает в неё ненужное. Она получает урок аккуратности, соблюдения чистоты в общественном месте. Это тоже добрый узелок.

Малышка бежит к горке, неожиданно спотыкается о небольшую травяную кочку. Падает и громко плачет. Мама поднимает её, начинает ласково успокаивать. Стоящая поблизости другая девочка с интересом смотрит. А её мама подсказывает: « Пожалей девочку. Ей больно. Подойди к ней». И она

семенит к обиженной, гладит её по ручке. Завязан узелок сопереживания ближнему.

Вот так с лёгкой руки взрослых закладываются в сознании малышей добрые узелки. И было бы здорово, если бы сохранили они их на всю жизнь.

Любить - значит жалеть

Вот и весна! Долгожданная, радостная. Асфальт усыпан клейкими тополиными почками, на смену которым распустилась нежная зелень душистых листочков. Берёзки уже поразвесили нарядные весенние серёжки. Солнечно и тепло. Спешу на работу. Чуть впереди весело бежит через дорогу красный жучок с черными крапинками на спинке. В детстве мы отчего-то называли их «пожарниками», может за красный цвет или за быстрый бег. Навстречу ещё совсем не старая бабушка ведёт за ручку маленькую внучку. Увидев бегущего жучка, девочка неожиданно вырывается и со всех ног несётся вперёд. Она резко поднимает ножку в голубом ботиночке и опускает её на букашку. «Вот тебе!»- радостно произносит девочка. «Молодец!» - улыбается восторженно бабушка. Бедный жучок беспомощно распластан по асфальту...

Её похвалили. А значит, она сделала правильно, поступила хорошо. И в следующий раз можно убить кого-то более крупного...

Не отсюда ли берёт начало жестокость? Не мы ли, взрослые, повинны в том, что дети, порой, не умеют видеть, жалеть и любить окружающую природу, живность, что рядом?

Вспомните поучительные стихи детской поэтессы Агнии Барто:

Мы не заметили жука

И рамы зимние закрыли.,

А он живой, он жив пока,

Жужжит в окне,

Расправив крылья...

И я зову на помощь маму:

- Там жук живой!

Раскроем раму!

Всё закладывается в детстве. Ведь о добром, жалостливом человеке говорят: «мухи не обидит». Вдумайтесь: слова любить и жалеть – такие разные, но как они близки друг другу! Мы должны научить наших детей любить и жалеть. А значит быть милосердными, добрыми. Это наш святой долг. Никто не сделает этого за нас.

Литературный клуб Исеть

<http://literklubisety.ucoz.com/>

2016